

НОВОЕ РОЖДЕНИЕ

ПРОШЛО уже 35 лет с тех пор, как появилась на свет «Любовь Яровая» К. Тренева. Идея этой пьесы — и спектакля, если он верно передает замысел драматурга, — в победе дела партии, которое стало творчеством многомиллионных масс, поднимающихся от стихийности к сознательности. Комиссар — рабочий Кошкин — вот кто стоит во главе событий, определяет их движение и развитие, несет партийную идею пьесы. И если пьеса все же называется не «Роман Кошкин», а «Любовь Яровая», то дело тут в том, что, видя во главе наступающей силы партию большевиков, автор главное свое внимание остановил на революционном пути широчайших трудовых масс народа, а образом, олицетворяющим этот путь в пьесе, сделал учительницу Любовь Яровую.

Выхрь революции ворвался прямо из самой жизни в пьесу, чтобы образно смести народной силой всю нечисть прошлого с русской земли.

«Жизнь бьет ильючом» — говорит первая ремарка драматурга. Бьет и гонит вон из страны, в море, в эмиграцию, в мусорную яму истории весь сброд. И как после очистительной грозы ярко светит живительное солнце, так в финале пьесы видится ведущий далеко вперед героический путь свободного народа.

Вот в чем героический пафос и романтическая прелесть пьесы, и именно это должен воплотить спектакль.

...Раздвигается занавес, и перед зрителем — силуэт сражающегося города, световые блики боя, под звуки революционного марша движутся шеренги красновардейцев и солдат, ополсывают всю сцену кумачовые транспаранты с призывом «Вся власть Советам!». Так начинается новый спектакль «Любовь Яровая» в Малом театре. Прекрасная заставка, она опалет огненным дыханием народной войны, она предвещает сценический рассказ о событиях, потрясших мир, она определяет страстную партийную тональность спектакля.

Постановщики спектакля И. Ильинский и В. Цыганков увидели главное для нового сценического прочтения классической советской пьесы в том, чтобы ее народное историческое содержание напитать духом современности.

Обращая нынешнего зрителя к событиям двадцатого года, спектакль заставляет не только познать и пережить суровую и славу борьбу людей предшествующего поколения, но — что особенно ценно — по чистой партийной совести перед памятью погибших и доблестью живых отчитаться в том, как современники,

«ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ» В МАЛОМ ТЕАТРЕ

сидящие в зале, особенно молодое поколение, берегут и развивают их завоевания, их неосвоенное наследие, все ли и всё ли делают для того, чтобы никогда не уронить большевистской железной принципиальности, революционной страстности и боевой готовности, образах которой запечатлены в героях «Любови Яровой». В этом большое воспитательное значение нового прочтения пьесы, которая в сегодняшнем спектакле Малого театра приобрела новую силу воздействия, стала фактором современной пропагандистской работы.

Было бы неправильно судить об успехе актера в роли методом сравнения с участниками спектаклей 20-х и 30-х годов, в частности, осуществленных Малым театром и МХАТом. Многие образы, созданные в тех спектаклях, были превосходны и стали как бы классическими. И все-таки нельзя думать, что перед нынешними исполнителями стояли те же задачи — они усложнились, стали крупнее.

Стремление постановщиков донести прежде всего историческую масштабность событий пьесы, партийность и народность ее содержания, ее принципиальную глубокую и волнующую современность — все это диктовало необходимость по-новому распределить акценты и в чем-то, может быть, поступиться в разительности психологического, бытового, жанрового рисунка, острой отработки комических ситуаций. Так, например, углубление психологической линии отношений супругов Яровых хорошо только в тех пределах, когда эта линия остается — при всей своей сюжетной важности — второстепенной для идеи пьесы, а на первый план выходит социально-классовое содержание конфликта между ними.

Нам кажется, что строгость, некоторое самоограничение, с которыми отнеслись к личной психологической драме своих героев Е. Солодова (Яровая) и Е. Матвеев (Яровой), вполне закономерны и вытекают из понимания пьесы как масштабного полотна социальной жизни, социального конфликта.

Необыкновенно живыми в яркой социальной характеристике получились Швандя (В. Дорнин), солдат Пикалов (П. Константинов). Их дуэтная сцена согрета танком превосходным народным юмором, что стала одним из лучших и значительных эпизодов спектакля. Социально остро с тонкой скульптурной отделкой сделана роль Чира (Н. Светловидов). Чир стал разоблачительным образом — типом старого мира, от-

тавливающим и пугающим в своей мерзости. Рядом с ним отличны по выразительности данные в шаржевом рисунке другие люди — маски разваливающейся, обреченной жизни: с летучим задором в своей пустоте и эгоистическом легкомыслии раскрывается Кутев (В. Кеннигсон) и мельтешит в спекулянтской энергии торгош Елисавет (В. Шарлахов). В их окружении умно и содержательно обрисовывается самое сердце кольтрреволюции, ее душа — до конца враждебная народу, сильная и трагическая фигура Пановой в сдержанном и тонком исполнении Т. Еремеевой.

Мужествен комиссар Кошкин — разум и воля пролетарской революции. Но хотелось бы в этом образе, созданном Н. Анненковым, порой больше рабочей простоты, меньше сознания собственной значительности. Думается, что здесь необходимы режиссерское уточнение ряда мизансцен, устранение нарочитой «подачи» Кошкина, более человеческого близкое, теплое, тесное окружение его рабочими. Очень содержательно и точно, с большим внутренним сознанием гражданского достоинства героя обрисован образ профессора Горнostaева И. Ильинским.

Большое количество актерских

Любовь Яровая — Е. Солодова, Яровой — Е. Матвеев.

удач определило собой тот высокий художественный уровень, в котором новое режиссерское прочтение «Любови Яровой» воплощено в постановке Малого театра.

Спектакль завершается апофеозом революционной победы: ликует народная масса, быстры и лаконичны последние сюжетные развязки. Молния-взгляд пойманного Яровой на сторону любимой жены, момент, и риколетом он возвращается к нему, одному, вычеркнутому из живых безмолвным, напряженным безучастием еще недавно любимой его женщины. Спокоен и могуч комиссар Кошкин. И музыка вырванного народом боевого счастья, и снова кумачовые полотноща «Вся власть Советам!» — красивые лучи освобожденного от туч революционного солнца. Ослепительный в своем алом сиянии, взмывается стая. Он возвещает торжество победы навеки!

Спектакль воспевает эту победу толосом нашей современности.

Е. СЕВЕРИН

„Литература
и жизнь“
1961 г. 25 янв.